

Г. С. Черткова
ОТ БАБЕФА К БУОНАРОТТИ:
ДВИЖЕНИЕ ВО ИМЯ РАВЕНСТВА
или ЗАГОВОР РАВНЫХ ?

Памяти профессора А.В.Адо.
Современные исследования
о французской революции конца XVIII века.
М., 2003.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Фигура Гракха Бабефа – первого французского революционера-коммуниста, главы и идеолога неудавшегося Заговора во имя равенства, – долгое время оставалась в тени и стала привлекать к себе серьезное внимание историков лишь на рубеже XIX и XX веков. С тех пор этот интерес неуклонно возрастает. Несомненным показателем этого является хотя бы известный французский библиографический указатель «Bibliographie annuelle de l'histoire de la France» за последние тридцать лет. Имена целого ряда деятелей, считавшихся в свое время несравненно более крупными фигурами, чем Бабеф, не встречаются там годами (иногда и вообще не упоминаются). Зато в каждом томе существует обширная рубрика, посвященная Бабефу и бабувизму.

И тем не менее даже в последние десятилетия, когда Бабеф прочно занял заслуженное место в отечественной и зарубежной историографии, можно встретиться с утверждениями, будто он, по существу, представляет собою нечто вроде мнимой величины: не сочти Директория нужным, в своих политических видах, непомерно раздуть значение Заговора во имя равенства и придать аресту его участников широчайшую огласку, никто – по мнению этих исследователей – возможно, не узнал бы ни о самом Заговоре, ни о его главе.

Частично сторонникам подобной точки зрения ответил в своей обстоятельной монографии о Бабефе известный австралийский историк Р.Б.Роуз¹, многие годы изучающий крайне левые течения в Великой французской революции. Роуз не оспаривает того мнения, что Бабеф стал фигурой общенационального, а затем и международного масштаба благодаря своему участию в Заговоре во имя равенства. Но даже если бы предположить, что он не принимал в нем участия, то он и тогда, по мнению австралийского ученого, имел бы полное право на внимание историков, ибо еще до того успел сделать три независимые революционные карьеры: в Пикардии – как деятель крестьянского и антиналогового движения, в Париже – как деятель якобинской и шометтовской администрации и, наконец, после термидора – как революционный публицист. Конечно, тогда он остался бы революционером среднего масштаба, но без его деятельности непонятна и сама история революции.

Это совершенно справедливое и очень глубокое замечание, но это лишь одна сторона вопроса. Еще важнее другая его сторона: Заговор во имя равенства, раздутый или нет, отнюдь не был придуман Директорией. Его значение определяется для нас не только реальностью той угрозы, которую он представлял непосредственно для правительства Директории, но и исторической перспективой. За сравнительно скромной, по масштабам его современников, деятельностью Бабефа стоят огромной важности проблемы, всерьез начавшие звучать лишь в XIX в.

Одна из этих проблем тесно связана с постановкой такого, казалось бы, второстепенного по важности вопроса, как правильное название тех событий, которые произошли в Париже зимой и весной 1796 г. и были оборваны сначала арестом их участников, а затем и громким судебным процессом в Вандоме, завершившимся смертным приговором Бабефу и Дарте. Современники и потомки называли деятельность Бабефа и его сподвижников по-разному: «заговор Бабефа», «заговор равных», «заговор во имя равенства», «движение во имя равенства», «движение бабувистов», «движение равных». Так чем же были по сути своей те революционные события, которые связаны для нас с именем Бабефа – заговором или движением? Ведь это, согласимся, отнюдь не одно и то же.

Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к документам идеологов бабувизма. Особый интерес с данной точки зрения представляет тюремная переписка Бабефа с будущим активным участником революционных событий 1796–1797 гг. Шарлем Жерменом. В 1795 г. они оба находились в заключении в Аррасе, но были помещены в разные тюрьмы этого города и нашли способ почти ежедневно обмениваться письмами. Документы эти особенно важны, поскольку в них мысль будущих лидеров бабувизма предстает перед нами в становлении и живой динамике, не свойственной более поздним и более официальным текстам. Что же пишут они друг другу в связи с интересующим нас вопросом?

Прежде всего, надо отметить следующее: хотя вопросы «самонаименования» очень мало занимали обоих бабувистских лидеров и своему будущему «предприятию» они давали самые различные названия (в том числе даже «наша Вандея», «плебейская Вандея»), мнение некоторых историков, будто само слово «заговор» было привнесено несколько десятилетий спустя Буонарроти (назвавшим, как известно, свою знаменитую, написанную им уже в 20-е годы XIX в. книгу «Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа»), не находит подтверждения. И в упомянутых письмах, и в документах 1796 г. понятие «заговор» в применении к их революционным действиям встречается, хотя и изредка.

Но главное все-таки не то, как они называли свое «предприятие», а то, как они понимали его суть.

В одном из первых писем Жермена содержится следующее весьма характерное рассуждение: «Надо срочно спасти Республику, пересадить на нашу почву свободу и демократию². Какими способами можно осуществить столь прекрасное дело? Опыт всех времен доказывает нам, что не бесчисленные фаланги и не лес штыков обеспечивают наиболее полный успех. Когда речь идет о том, чтобы добиться такого результата, мнение народа более сильно, более непреодолимо, чем железо, огонь и мощные укрепления. Но как сформировать его, это народное мнение? Показав народу, в чем его интерес; доказав ему самым очевидным образом, что те мелкие интересы, которые связывают его по рукам и ногам и от порабощения которыми он боится отказаться, являются в действительности самими страшными врагами его счастья; дав ему возможность соприкоснуться с тем процветанием, которое он получит в случае успеха³. В случае же неуспеха, считает Жермен, народу нечего терять: «Чего может он бояться более ужасного, нежели то, что он испытывает сейчас»⁴.

К этим рассуждениям примыкают несколько фраз, позволяющих судить о некоторых важных чертах несохранившегося «плана» Бабефа, которые касаются как раз интересующих нас организационных сторон задуманного ими «предприятия». Размышляя по поводу одного из второстепенных элементов «плана», Жермен задает Бабефу вопрос: считает ли он, что патриоты, к которым он обращается и которых призывает пробудиться, способны выступить на освобождение отечества? Поддержит ли их в этом местное население? «Этот тайный комитет – где он образуется?»⁵ Слова об «этом тайном комитете» (который ранее в письме нигде не упоминался), несомненно, взяты из «плана» Бабефа. Продолжая свою мысль, Жермен заявляет, что теперь, когда ему открыли глаза на причины народных страданий, он не может винить народ за его пассивность: народу справедливо кажется, что он не извлек никакой пользы из революции, поэтому он сомневается, что новые усилия принесут ему какую-либо выгоду. Но пусть ему покажут настоящую цель и докажут при этом, что она достижима, и он «все исполнит, на все отважится». Видимо, в задачу «тайного комитета» и входило через более широкую и активно действующую группу «патриотов» указать народу на эту цель и средства ее достижения, сформировать мощное «народное мнение».

Эти соображения приводят Жермена к размышлениям о непосредственном руководстве движением: «...Будет ли военным тот человек, который первым все начнет, и сыграет ли он большую роль в этом обновляющем мероприятии? будет ли он тем, кто дисциплинирует все движение, чтобы придать ему регулярность и единство? В этом случае он должен будет получать приказы от какого-то руководителя – кто будет этот руководитель? будет ли он человеком достаточно твердых принципов, чтобы за время своей диктатуры устоять перед блистательной приманкой абсолютной власти?»⁶ Мы не знаем, что ответил на это Бабеф. Однако рассуждения Жермена должны были встретить у него понимание: они заметно перекликаются с тем, что сам он писал несколько месяцев тому назад об опасностях абсолютной власти.

Очень интересно по этому поводу и другое соображение Жермена. «Вы знаете, мой трибун, – писал он, – что для того, чтобы предохранить государство от превращения в аристократию, необходимо, чтобы военные ни в коем случае не совали свой нос в дела, чтобы они не вмешивались ни в законодательную, ни в административную деятельность; даже воинский устав, так же, как и все, что имеет отношение к организации и управлению вооруженными силами, должен быть делом только гражданских лиц»⁷. Мысль эта тем более заслуживает быть отмеченной, что сам Жермен – кадровый военный. Эти слова характеризуют его в первую очередь как человека глубоко порядочного, не рассчитывавшего получить в ходе переворота какие-то особые привилегии для себя лично; но возможно также, и как человека проникательного и осведомленного, хорошо отдающего себе отчет в опасных тенденциях, появившихся в среде профессиональных военных. По-видимому, и это его рассуждение должно было встретить сочувственное внимание Бабефа: вспомним, что к концу жизни именно Бабеф одним из первых указал на опасность, вырастающую на горизонте Республики в лице генерала Бонапарта⁸.

Конечно, все это пока что не более чем наброски, но кое-какие выводы они все-таки позволяют сделать. Прежде всего, как нам кажется, здесь начинает сказываться несколько иной, новый для эпохи Великой французской революции, взгляд на роль народа, на соотношение между народом и активными революционерами. Народ по-прежнему признается неисчерпаемым источником потенциальной революционной энергии, его поддержка в конечном счете все решит; но его темнотой слишком часто злоупотребляли, используя его для ложных целей, и он утратил активность. Поэтому действовать должна сравнительно узкая группа беззаветно преданных народу⁹ революционеров, знающих, в чем именно состоит залог подлинного народного благополучия; их действия и вводимые ими благотворные учреждения в сочетании с широкой пропагандой не только разбудят активность народа, но и направят ее в должное русло – и уж тогда ничто не сможет помешать победе правого дела.

Разумеется, в законченном виде концепция еще не сложилась, но именно в этом направлении развивалась мысль будущих участников Заговора. При этом они по-прежнему полны глубочайшего уважения к народу, и лучше всего это показывают размышления Жермена о роли, которую предстоит сыграть народу после революции. «Разум народа велик, – пишет Жермен, – то, что не найдем мы, найдет он; истинный путь к тому, чтобы вернуться одновременно к индивидуальной и общественной природе, чтобы вернуться к братству и никогда больше не выходить из этого состояния, несомненно, обнаружится в результате общих устремлений и общих усилий его открыть. Мы только направим движение, нам будет принадлежать только первый толчок; но наши планы будут лишь временными и неизбежно не только несовершенными, но и очень неполными. Мы составляем их, потому что надо иметь какую-то отправную точку, показать какую-то перспективу...» Когда старый мир превратится в развалины, тогда коллективный разум народа «выскажется относительно наилучшего способа новой постройки... и улучшенный таким образом первоначальный набросок – ибо мы сможем предложить не что иное, как первоначальный набросок – станет неузнаваемым...»¹⁰

Искреннее преклонение перед народным гением, перед творческими потенциями освобожденного народа выражена в этих словах так ярко, что тут просто нечего добавить. И тем не менее на спонтанное народное движение, не нуждающееся ни в какой серьезной организации и тайной подготовке со стороны своеобразной «революционной элиты», будущие бабувисты уже не полагаются. Более того, роль этой «революционной элиты» не кончится и после осуществления «благодетельного переворота»: непросвещенный народ так темен и так привык следовать во всем за «своими обычными обманщиками», что если этих последних силой не заставить на первых порах умолкнуть, они снова могут увлечь народ на ложный путь. Поэтому подлинные революционеры, которые возглавят переворот, не устроятся на следующий день после него, а проследят за тем, чтобы какое-то время у власти находились только они сами и их единомышленники. За этот период – недолгий, по оптимистическим представлениям Бабефа и Жермена – они осуществят то, что Дж. Берти очень удачно назвал «воспитательной диктатурой»¹¹: беспощадно подавляя как сопротивление бывших эксплуататоров, так и их попытки снова сбить народ с толку своими «привычными софизмами», эти закаленные революционеры в то же время просветят народ относительно его истинных интересов (просветят как в теории, так и на практике – примером проведения в жизнь «благодетельных установлений»). И как только народ глубоко проникнется правильными идеями, любые диктаторские мероприятия сразу станут ненужными: перед лицом просвещенного и в должном духе «воспитанного» народа его бывшие угнетатели окажутся всего лишь жалкой кучкой. «Тогда нам останется только простить старые грехи и терпеть неизлечимых сумасшедших, которых результаты нашего согласия сделают бессильными»¹².

Г. С. Черткова

Весьма любопытны и принципы подбора кадров для этой будущей группы особо преданных революционеров. Здесь бабувисты также далеко ушли от прежней широкой открытости, неосознанности таких революционных объединений. Приведем лишь один, но весьма показательный пример – это история с Гульярмом.

Впервые Гульяр упоминается в письме от 3 термидора III года как человек, достойный самого полного доверия. Этот лестный отзыв подтверждается в дальнейшем: в других письмах 2 термидора Жермен сообщает Бабефу, что приобрел Гульяра к «священным тайнам аграрной системы» (именно так, в духе времени, нередко называли «равные» свои коммунистические взгляды) и Гульяр находит эту систему великолепной. Жермен не преминул добавить, что Гульяр пользуется большим влиянием у себя на родине, вблизи Арраса (имеется в виду Бетюн), где он знает многих, кому эта система придется по вкусу. Казалось бы, вопрос с Гульярмом исчерпан: он «приобщен к тайнам», его влиянием собираются воспользоваться, он вошел в число «своих». Оказывается, все не так просто. 27 термидора III года Жермен советуется с Бабефом, следует ли информировать Гульяра обо всем; если Бабеф сочтет это возможным, Жермен охотно это сделает. Не то, чтобы Жермен сомневался в Гульяре, «но нужна иерархия в степени посвященности... этого требует осторожность»¹³. И на следующий день он сообщает: «Я исполнил твой приказ, мой трибун, Гульяр – рыцарь ордена равных»¹⁴. Чрезвычайно интересна здесь мысль об «иерархии степеней посвящения», может быть ярче всех других свидетельствующая о том, как далеко ушли будущие «равные» от идеи массового народного действия. Этой мысли суждено было найти воплощение не только в истории Заговора во имя равенства, но и позднее, в деятельности одного из виднейших бабувистов Ф. Буонарроти.

Об этой деятельности многое можно было бы сказать, но в отведенных нам узких рамках ограничимся рассмотрением (под интересующим нас углом зрения) лишь самой первой из созданных Буонарроти нелегальных революционных организаций – «Общества высокодостоинных мастеров». Это общество было организовано им в Италии в самом начале второго десятилетия XIX в.

Уже само название общества, несколько неуклюжее с современной точки зрения, наводит на мысль о масонской символике. Действительно, Буонарроти прежде всего, вероятно, хотел замаскировать свое общество в глазах властей под масонскую ложу, ибо по существу ничего масонского ни в целях, ни в методах этой организации не было. И все же одна во многом восходящая к масонству идея здесь присутствовала, она определяла саму структуру общества, принцип его организации. Это именно упомянутая идея «иерархии степеней посвящения», которая в зачаточном виде присутствовала, как мы видели, уже у ранних бабувистов и должна была быть знакома Буонарроти еще по его деятельности бок о бок с Бабефом. Однако в XIX веке идея эта претерпела значительные превращения. Бабефу и его соратникам и в голову не приходило всерьез скрывать от рядовых участников своего «предприятия» конечные цели своей деятельности – они всячески стремились пропагандировать их не только в рядах своей организации, но и гораздо шире. «Иерархия степеней посвящения» была у них связана только с организационно-технической стороной дела и диктовалась необходимостью конспирации, требованиями осторожности. На деле она означала, что рядовые члены организации не должны были знать лично ее руководителей и сносились с ними только через специальных «агентов связи», по одному на каждый округ. Подчеркнем – они не знали, кто именно стоит во главе организации и когда наступит час приводить в осуществление их планы, но о том, каковы эти планы, в чем их суть, имели (или, по крайней мере, могли при желании иметь) довольно адекватное представление.

Совсем не так обстояло дело у «высокодостоинных мастеров». Общество делилось на рядовых членов, небольшое промежуточное звено и узкую, строго законспирированную верхушку. В качестве рядовых членов вербовались демократически и патриотически настроенные люди, которым объяснялось, что цель общества – свержение австрийского ига и объединение Италии. На вопрос о том, какой будет эта независимая и единая Италия, при этом особого внимания не обращали. Большинство вступавших считали, что она будет либеральной конституционной монархией, и им позволяли так думать. Среди вступивших вели осторожную работу, к ним присматривались и тех, кого считали достойными, переводили, после ряда испытаний, в «среднее звено», т.е. делали руководителями небольших групп. При этом их посвящали в «великую тайну» – Италия, за которую они ведут борьбу, должна быть не просто единой и свободной от иностранного гнета, она должна стать демократической республикой.

И лишь те единицы, которым удалось заслужить честь быть принятыми в число руководителей общества, узнавали его подлинную и конечную цель – эта итальянская республика будет социальной, коммунистической. Таким образом, иерархия, которую мы здесь видим, это уже не иерархия конспирации, это воистину иерархия «степеней посвящения». По своему характеру она напоминает даже не масонские ложи, а некоторые ответвления секты исмаилитов, где рядовым членам, фидайям, за послушание и подвиги во имя веры обещалось (можно даже сказать – гарантировалось) после смерти немедленное перенесение в рай с чувственно-конкретным описанием и перечислением тех утех, которые их там ожидают за каждый подвиг; а чрезвычайно немногочисленным лицам, сумевшим, пройдя за долгие годы служения через множество «степеней посвящения», достичь верхов иерархии, объяснялось, что никакого реального рая не существует, ибо это понятие есть не что иное, как аллегория абсолютного знания.

Не будем рассуждать сейчас о том, что именно заставило Буонарроти избрать такую тактику (без этого любые морализаторские высказывания, казалось бы, напрашивающиеся на язык, рискуют оказаться антиисторическими). Отметим лишь одно: «Общество высокодостойных мастеров» – это несомненный революционный заговор, классическая конспирация «во имя народа, но без народа». Можем ли мы с той же уверенностью сказать это о событиях 1796–1797 гг., связанных с именем Бабефа? Нет. Но можем ли отрицать определенную преемственность, и не только идейную, между этими двумя революционными организациями? Тоже нет.

Рассмотренные выше документы «равных» убедительно показывают, что их конспирация никак не была «конспирацией без народа» – на активнейшую и очень широкую, массовую поддержку народа до переворота, в ходе переворота и после переворота они твердо рассчитывали; именно на этом строили они все свои планы и, не будучи уверены в такой поддержке, просто не смогли бы (да вероятно, и не захотели бы) действовать. Такой поддержки они усердно добивались и в определенный момент (хотя скорее потенциально, чем реально, и далеко не в тех размерах и в том смысле, как им казалось) пожалуй что и добились. И с этой точки зрения это было скорее движение, чем заговор.

Но те же документы со всей определенностью свидетельствуют и о появлении в этом движении несомненно заговорщических черт. Причем связаны эти черты отнюдь не только с тем фактом что изменившиеся сложные условия заставили бабувистов прибегнуть к конспиративным методам. Гораздо важнее то, что и эти условия, и эти методы, и весь огромный опыт народного движения в революции, его трагические по существу уроки, оказали влияние на саму идейную основу их деятельности. Ярче всего и глубже всего это проявилось в описанном выше смещении их взглядов на соотношение роли народа и лидеров, активных революционеров, в появлении в круге их представлений (а отсюда – и в практической деятельности) своего рода «революционной элитарности». И с этой точки зрения нельзя не отметить, что мы можем с полным правом говорить о «Заговоре равных», «Заговоре во имя равенства» – не только в том смысле, что, как уже отмечалось, название «заговор» в применении к интересующим нас событиям вовсе не было позднейшей выдумкой Буонарроти¹⁵, но и в том, что самим этим событиям были так же присущи черты заговора, как и движения. И это – не случайность, а закономерное отражение особого положения данного события в истории.

Не забудем, что движение «равных» занимает не вполне обычное место в истории. Оно находится на рубеже двух эпох. Кончается великая революция, период массовых революционных движений. Начинается реакция и время, когда единственной возможной формой революционной борьбы станет заговор. «Равные» – на переломе. Революция еще не кончена, они все еще психологически связаны с ней, их тянет к массовому революционному движению. Но великая революционная буря уже идет на спад, обстоятельства изменились, и новые формы борьбы буквально навязывают себя. Все противоречия эпохи как будто сфокусировались в этом уже не движении и еще не заговоре (или, может быть, и движении, и заговоре). Разобраться в этом смещении форм, понять, как именно это происходило – значит очень многое понять и в дальнейшем ходе революционного движения, так же, как его типологии. Нет нужды добавлять, насколько важна и актуальна такая задача.

Примечания

1. Rose R.B. *Gracchus Babeuf. The First Revolutionary Communist*. L., 1978.
2. Любопытно отметить, как понимал Жермен демократию. «Народ, – пишет он в одном из писем, – хочет свободы и равенства, иными словами, демократии; ... он знает, что зажиточной и счастливой жизни, которой он пользовался до 9 термидора, он обязан только демократии» (см.: Ch. Germain a Babeuf, 14 messidor an III).
3. Ch. Germain a Babeuf, 16 messidor an III.
4. Ibid.
5. Ch. Germain a Babeuf, 16 messidor an III.
6. Ibid.
7. Ch. Germain a Babeuf, 5 thermidor an III.
8. См.: Далин В.М. Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785-1794 гг.). М., 1963. С. 483.
9. Абсолютная необходимость для революционера обладать самоотверженной преданностью делу народа, доходящей до готовности пожертвовать жизнью ради его победы, неоднократно обсуждалась в переписке.
10. Ch. Germain a Babeuf, 5 thermidor an III.
11. См. об этом: *Берти Дж.* Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965.
12. Ch. Germain a Babeuf, 23 fructidor an III.
13. Ch. Germain a Babeuf, 27 thermidor an III.
14. Ch. Germain a Babeuf, 28 thermidor an III.
15. Здесь нет возможности специально рассматривать интереснейший вопрос о том, в какой степени на книге Ф. Буонарроти, ставшей для многих поколений главным источником сведений о бабувизме, мог сказаться опыт последующей многолетней революционной борьбы ее автора; иными словами, не приписывает ли Буонарроти, вольно или невольно, Бабефу и его окружению черты, свойственные более поздним организациям и движениям? Проблема эта для советской исторической науки не нова – ее обсуждали еще на первой конференции историков-марксистов в 1929 г. (См.: Труды первой всесоюзной конференции историков марксистов. М., 1930. Т. II). С тех пор выяснилось, что в самых общих чертах Буонарроти можно считать вполне достоверным историком. Тем не менее до конца эта проблема не прояснена и продолжает привлекать внимание историков (см., в частности, статью: *Rose R.B.* Babeuf, Dictatorship and Democracy // *Historical Studies*. Apr. 1972. N 58.)